

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1950

Молодой Ленинград*50

Издательство ЦК ВКЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
Ленинград, 1950 г., 336 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 8 р. 45 к.

Редакторы: М. Довлатова и
Н. Ходза.
Художник-редактор Г. Левин
Гравюры на дереве художника
Ю. Мезерницкого

Стихи: Александр Андреев,
Игорь Ринк,
Николай Новоселов,
Наталья Грудинина,
Анатолий Чепуров,
Нина Альтовская,
Борис Раевский,
Иван Демьянов,

Николай Кутов, Вера Скворцова, Леонид Хаустов, Владимир Торопыгин,
Леонид Карпов, Глеб Пагирев, Розалия Амусина, М.Свойский, Глеб Семенов,
Нина Островская, Виталий Шевченко, Михаил Бернович

Проза: Александр Пунченко, Даниил Гранин, Ю. Принцев, Сергей Антонов,
Павел Петунин, Валентин Пикуль, Евгений Воеводин, Николай Иванченко

Наталья Грудинина

ЛЕТО В ПУСТЫНЕ (отрывок из поэмы)

Володя, ну доля тебе досталась!
Еще не веря, уже любя,
Какой сбивающей с ног усталостью
Пустыня испытывает тебя!
Согласно квадратам заветной карты
И вдоль изъездил и поперек
Пустыню маленький, аккуратный,
Неутомимый грузовичок.
Восемь шоферов высокого класса
Чуть не вручную решали спор –
Кому машину вести на трассу,
Но Петр заявил: «Я сам шофер».
Какое начальство тебе досталось,
Попробуй, Володя, не удивись!
Он сел в кабину, и показалось –
Машина рванулась не вдаль, а ввысь.
Под знойным, колючим от соли ветром
Идет исследование грунта.
Из метров складываются километры,
Из километров – твоя мечта.
Уже ее вихревым дыханьем
Лицо молодое обожжено.
Уже научила хранить молчание,
Когда от жары в глазах темно.
Уже в семидесятиградусном пекле
В жилах кровь ускоряет ход,
И ты становишься великолепным
Красивым, сильным – таким, как Петр.
С пустынею у тебя особый,
Лишь вам двоим понятный язык.
Пустыня ворчит на тебя: – Попробуй!
А ты ей: – Пробовать не привык!
Пойду и точка.

И в полдень, пеший
Идешь в обугливающий зной.

Пустыня кричит тебе: – Сумасшедший!

А ты: – Повезливей будь со мной!

Валентин Пикуль

НА БЕРЕГУ

Где-то вдали пели девушки. В прозрачном вечернем воздухе голоса звучали чисто и мягко. Море напозало на песчаную косу и вторило песне глубокими мерными вздохами. К самой воде опускалась черемуха, и все же не могла отразиться в ней – вода была беспокойная, мутная. Северная весна нежно цвела вокруг.

Минер с «морского охотника» комсомолец Яша Кирсанов сошел со скользкой, шаткой палубы на берег. Вот уже целый месяц «охотник» нырял в пронумерованных квадратах Балтийского моря, проводя одно учение за другим. Яша всей душой любил мгlistую штормовую Балтику, ее влажные ветры и суровые просторы. Но сегодня, когда катер пришвартовался у пирса базы и берег встретил Яшу цветами весны, он понял, как сильно соскучился по твердой родной земле.

Сойдя с катера, Яша медленно пошел вдоль берега, крепко, по-моряцки ставя ноги и весело глядя по сторонам. Песня приближалась к нему, становясь слышнее и шире.

Яша остановился, поняв, что, сам того не замечая, шел на песню, в сторону рыболовецкого колхоза.

«А что, – радостно подумал Кирсанов, – пойду-ка в их колхозный клуб. Посмотрю кино, а то и с девчатами потанцую. Добро».

Он прошел половину пути, когда на берегу одной обширной бухты увидел группу рыбаков. Их тяжелые дощатые карбасы были приткнуты к отмели, а рыбаки, широко жестикулируя, о чем-то громко спорили. Яша подошел ближе, поздоровался. Сын мурманского помора, он любил людей этой трудной и смелой профессии.

Эстонцы в блестящих от рыбьей чешуи зюйдвестках с минуту молчали, разглядывая матроса, потом снова заговорили на своем языке. Вглядываясь в их обветренные, коричневые лица, силясь понять незнакомую взволнованную речь, Яша уловил только одно часто повторяемое слово – «мина».

Он зорко оглядел бухту. О какой мине говорят рыбаки? Если о плавающей, то ее не видно. Неужели о подводной?

К Яше подошел высокий костлявый старик с растрепанной ветром бородой.

– Я сам председатель колхоза, – сказал он, старательно выговаривая русские слова. – Вот в этой бухте рыбы-то много, очень много. Надо ловить, а в бухте – мина. Не дай Бог, зацепишь сетями или карбасом. Ведь людьми рисковать не станешь, а и рыбу упускать не хочется. Богатый улов. А тут вот мина!

– А как же вы ее заметили, если она под водой? – спросил Яша.

– Штиль был, – ответил старик, – а у Татрика глаза молодые.

– Это я Татрик! – раздался звонкий голос, и белоголовый юноша вскопчил на высокий валун. – Было дело так. Сижу я в шлюпке и смотрю в воду. И вдруг вижу – под водой шар, а из него рога торчат.

– А где стоит мина? Далеко? – перебил его Яша.

– А вон, видите, – ответил председатель, – на волнах поплавок от сетей качается. Это мы заметили место, чтобы не потерять.

Прищуриив острые серые глаза, Яша вглядывался в даль. На море, рассыпая белесую пену, ходила крупная тяжелая зыбь. Вот гребень волны вынес на поверхность точку, зеленым огоньком блеснувшую в лучах вечернего солнца.

– Есть! Вижу поплавок! – крикнул Яша. И хотя до мины было еще далеко, сердце минера наполнилось знакомым азартом, похожим на вдохновение.

Увольнительная до полуночи. Так. Можно сбегать на «охотник» и позвать товарищей. Нет, это долго.

– Без подрывников ничего не сделать, – задумчиво проговорил председатель колхоза. – Придется машину гнать за ними в город.

Яша повернулся к рыбакам, неохотно отрывая взгляд от поплавка.

– Я минер, – сказал он не без гордости. – Я сам уничтожу мину.

Эстонцы, как по команде, выбили из трубок пепел и заговорили все сразу. Яша не понимал их языка, но чувствовал, что они беспокоятся за его судьбу. Тогда он, улыбаясь, расправил рукав форменки. Рыбаки столпились вокруг Яши, рассматривая нарукавный знак минера – рогатое изображение мины.

– Мне нужны, – сказал Яша, – большие ножницы, подрывной патрон и бикфордов шнур.

.....
Через полчаса от берега отвалила шлюпка. В ней сидели Яша, председатель колхоза и Татрик.

Яша, ритмично погружая в воду короткие весла, думал: «Сейчас еще только девять. К четырем склянкам надо быть на «охотнике». Ничего, трех часов хватит. Держись, фашистское наследие!»

А с берега несло опьяняющим запахом цветущей земли. Море примешивало свои острые, настоянные на соли запахи. Было светло и ясно.

Вода, перламутровая и розовая, отражала нежные закатные огни. Где-то очень далеко еще звучали девичьи голоса, и песня, слабая и дрожа, казалась, таяла над простором моря.

Почему-то Яша вспомнил, что в кармане лежит увольнительная, что он собирался потанцевать с девушками в веселом рыбацком клубе. И вспомнив это, он заторопился, всем телом наваливаясь на весла.

– Осторожней! – крикнул с кормы Татрик. – Она где-то здесь.

Поплавок из зеленого стекла был совсем рядом. Карбас долго крутился на одном месте. Все трое упорно вглядывались в воду. Наконец из глуби показалось темное круглое пятно. Яша рывком потабанил веслами, сдвинув шлюпку назад. Теперь они стояли вблизи мины.

Яша энергично сбросил с себя на днище шлюпки одежду и, оставшись в одних трусах, распорядился:

– Когда я нырну, вы отплывите подальше.

Потом тонким шкертом привязал к плечу большие кровельные ножницы и взял их в правую руку. Набрав полную грудь воздуха, он с размаху головою вперед ушел под воду. Морская глубина не была такой черной, как это казалось сверху: сияние белой ночи проникало сюда косыми лучами, и зеленоватый сумеречный свет призрачно бродил вокруг.

Яша нырнул глубже, и мина закачалась перед самыми его глазами. Она держалась на якоре, соединенная с ним тонким стальным тросиком – минрепом. Яша уцепился за него, но уже не хватало воздуха, и он, изогнув тело, чтобы не задеть мину, всплыл на поверхность.

Отплевывая морскую горечь, Яша доплыл до шлюпки и, уцепившись за борт, с минуту отдышал на воде.

– Ну что? – почему-то шепотом спросил Татрик. – Какая она, мина?

– Самая настоящая. Фашистского образца.

И Яша снова нырнул под воду. Две пары глаз провожали его на глубину: одни глаза – по-отечески серьезные, наполненные тревогой, а другие глядящие с восхищением и завистью.

А Яша уже резал минреп. Стальной тросик был свит плотно и поддавался тупым ножницам с трудом. Яша медленно выдыхал воздух и пошел наверх, когда горло уже сдавили судороги. На этот раз он всплывал долго, почти задыхался, в глазах стало темно, но пленка зыби наконец прорвалась над его головой, и Яша задышал полной грудью.

– Полторы минуты, – сказал Татрик, протягивая ему руку, – а я только сорок секунд могу продержаться под водой.

Ничего не отвечая, Яша с трудом перевалился через борт и рухнул на днище, обмякнув всем телом.

Но прошло несколько минут, и он снова был под водой. На ощупь отыскав место начатого пореза, Яша уцепился ногами за минреп и стал резать его двумя руками сразу. Так было рискованнее, но зато вернее.

«Не вылезу, пока не кончу», – упрямо решил Яша и с силой надавил на ручки ножниц. Тросик хрустнул, и два конца разошлись: один утонул, а другой вместе с миной медленно пошел на поверхность.

Вынырнув, Яша проплыл вокруг мины два раза и осмотрел ее со всех сторон. Его внимательный взгляд успел заметить все: «Мина поставлена с самолета против мелких кораблей и катеров. Ну ладно, сделано самое трудное, осталось самое опасное – взорвать». Старик председатель и Татрик помогли ему выбраться из воды. Яша сел на кормовую банку и устало прислонился спиной к мачте. К мине подошли еще рыбаки, но сама мина, казалось, привлекла их меньше, чем Яша. Они подвели свои шлюпки к карбасу председателя и с молчаливым восхищением рассматривали коренастую фигуру русского матроса: «Ну и парень!»

Поднявшись на банку во весь рост над целой флотилией рыбацких лодок, Яша обратился к эстонцам:

– Вот что, товарищи! Давайте мне шлюпку, которая полегче, два крепких весла, а сами отходите и ждите меня на берегу. Я выведу мину в открытое море, а там это уж мое дело.

Татрик обиженно заморгал белыми ресницами.

– А мне? Мне можно?.. Я первый ее заметил.

Яша промолчал. Помощника, конечно, не мешало бы, но такие мины, как эта – «старушка, оставшаяся в невестах», – имеют капризный характер: они любят взрываться, когда их об этом не просят.

– Нет, – ответил Яша, – нам вдвоем тесно будет. Он передал председателю колхоза часы, бумажник и одежду, взял подрывной патрон, коробку папирос «Звездочка» и легко вскочил в поданный ему маленький верткий «тузик».

Обождав, пока грузные карбасы отойдут к берегу, Яша осторожно приблизился к мине. Она была всего в десяти метрах от «тузика», когда он перестал грести и повернулся к ней. Качнувшись на волне, мина, казалось, погрозила ему острыми свинцовыми рожками. Яша знал, дотронься грубо до этих рожек, и они сплющатся, внутри них треснут стеклянные пробирки, разольется электролит, ударит гремучая ртуть, мина сначала дрогнет.

Но этого не случится. Яша будет осторожен и точен, как ювелир.

По-прежнему не сводя глаз с мины, Яша убирает весла и тихо гребет-гребет руками. Наконец ладони вытянутых рук упрутся прямо в лип-

кий вонючий бок мины. Яша плавно вертит ее на воде, отдирая с ее пояса скользкие водоросли и похрустывающую ракушку. Находит за-лепленное илом всяческое кольцо и привязывает к нему надежный пень-ковый трос. Проследив, чтобы трос случайно не зацепил за рожок, Яша мягко отталкивает мину от кормы и быстро гребет в открытое море.

Выведа «тузик» в открытое море, Яша аккуратно сложил весла и взял в руки пачку папирос. Он долго выбирал папиросу, туго набитую таба-ком. Потом закурил, но она стала гореть наискось, и Яша сразу выбро-сил ее за борт. Достал другую. Эта раскурилась ровно.

Удовлетворенно сделав две затяжки, Яша подтянул мину к корме и лов-ким движением отвязал трос от кольца. Точно почувствовав свой близкий конец, мина запрыгала на обрывистых волнах, вырываясь из рук.

С побледневшим от напряжения лицом, Яша осторожно повесил на один из рожков подрывной патрон и мгновенно опутал мину бикфордо-вым шнуром. Огляделся. Все ли сделал? Да. Все. Можно начинать.

Теперь он, удерживая мину одной рукой, другой медленно вынул изо рта папиросу.

Широко раскрыв глаза, Яша поднес горящую папиросу к шнуру и на мгновение задержал руку. Наступал самый опасный момент. Одинокая чайка закружилась над головой, тревожно крича и хлопая крыльями. Решительным жестом Яша плотно прижал к концу шнура огонек папи-росы.

– На! Кури! – громко сказал он.

Шнур начал тлеть сизым дымком. Не мигая, смотрел Яша, как огонек быстро обегает мину, неумолимо приближаясь к патрону, потом изо всех сил оттолкнул мину от себя и бешено навалился на весла.

Когда пройдут две минуты, надо лечь на днище «тузика» и лежать, прижавшись к доскам.

Вот уже прошла минута, полторы. Нос шлюпки с шумом разрезает волны, весла скрипят от усилий. Все! Срок истек! Но Яша все гребет.

Одна секунда, две, три – и он падает вниз лицом. В уши сразу забива-ется плотная вата взрыва, громадный столб воды, наподобие сталагми-та, стоит неподвижно, потом с грохотом и звоном рушится в море. Яша поднимается на ноги, смотрит. На том месте, где раньше была мина, бурлит и клоочет воронка. Отряхивая с гребней мыльную пену, высо-кие волны расходятся громадными кругами во все стороны.

Яша чувствует под ногами холод. Вода бьет из пазов обшивки тонки-ми упругими струями, быстро затопляя «тузик», – подводный удар ока-зался сильным. Но это уже совсем не страшно. Навстречу Яше идет

рыбачий карбас. Десятки рук подхватывают его из воды и поднимают на борт.

– Ну спасибо, друг, выручил, – говорит старик, и голос его дрожит. – Смелый ты человек, дай Бог тебе здоровья. Настоящий ты человек советский!..

Эстонцы хлопали Яшу по голой спине грубыми просмоленными ладонями, звали в гости и, дружно смеясь, наперебой предлагали покурить из своих трубок. Яша оделся быстро, как по боевой тревоге, улыбался в ответ и, чтобы никого не обидеть, курил из всех трубок подряд.

Карбас подошел к берегу, и здесь Яша увидел группу эстонских девушек-рыбачек. Рослые, светлоглазые, они смотрели на него, не скрывая любопытства и восхищения.

Времени оставалось мало. Попрощавшись со всеми за руку, Яша поспешил на катер.

Он быстро прошел долгий путь от рыбацкого колхоза до морской базы. Поднялся на высокий холм, заросший перепутанным можжевельником, и перед ним, как на ладони, открылась Голубая гавань. Яша увидел у пирса свой катер, и на душе у него стало легко и радостно. Завтра он снова уйдет на «охотнике» в штормовые просторы Балтики, и пустынный квадрат моря опять огласится четкими командами офицеров, звонкими ударами латунных гильз и рокотом моторов над палубой.

Белая ночь опустилась на весеннюю землю и притихшее, доброе море. Песня давно погасла вдали, и только сонная волна глубоко и мерно вздымалась у берега.